

УДК 167.7

Социальное пространство и время в контексте сетевого общества

Агафонов Евгений Александрович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2а;
e-mail: evgenagafonov@inbox.ru

Аннотация

В статье обосновывается актуальность проблемы понимания социального пространства и времени в контексте сетевого общества и сетевой методологии. На основе анализа работ Дж. Вико, Г. Зиммеля, философии марксизма дана характеристика классической линейной и неклассической топологической теорий социального пространства и времени А. Бергсона, П. Бурдьё. Показана специфика сетевого подхода, роль И. Кастельса, заложившего начало категориальной трансформации социальных наук. Изложены основные идеи и понятия ризоматичной концепции Ж. Делёза и Ф. Гваттари, показана их роль и значение в исследовании социального и исторического пространства и времени. Сетевой подход к пониманию специфики социального пространства и времени постиндустриального сетевого общества не опровергает их классической и неклассической трактовки, а дополняет линейные и топологические взаимосвязи ризоматичностью отношений, множественностью сцеплений, «вневременностью» событий.

Для цитирования в научных исследованиях

Агафонов Е.А. Социальное пространство и время в контексте сетевого общества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 1А. С. 104-114.

Ключевые слова

Социальное пространство и время, классическая теория познания, линейность, неклассическая эпистемология, топологичность, сетевое общество, сетевой подход, социальные сети, ризома, сетевая социология.

Введение

Актуальность исследования проблемы социального пространства и времени в контексте сетевого общества определяется тем, что сегодня сетевая парадигма «имеет все основания претендовать на роль трансдисциплинарной методологии, применяемой в исследовании сознания и общества» [Михайлов, 2015, 87]. Сетевой подход на современном этапе развития философии науки представляет собой активно развивающийся междисциплинарный дискурс и охватывает собой все новые разделы научных исследований в различных областях знания. Однако исследований, посвященных анализу сетевых концепций и таких понятий, как сеть, сетевой подход, сетевая методология и их функционирование в системе современного научного знания, значительно меньше, чем этого требует необходимость осмысления стремительно развивающегося постиндустриального сетевого общества. Вместе с тем необходимо отметить, что новая социальная реальность находит свое теоретическое обоснование в концепциях сетевого общества, и, несмотря на то, что его философское исследование находится на начальных этапах развития, мы, по справедливому утверждению Е.А. Шенцевой, «являемся свидетелями зарождения и становления нового, так называемого *сетевого подхода*» [Шенцева, 2015, 203].

Актуальность проблемы обусловлена также тем, что в условиях бурного развития конвергентных технологий почти не затрагивается «проблематика развития базовых философских категорий и их переосмысления в общем контексте развития знания, культуры и цивилизационных процессов» [Тхагапсоев, 2015, 203]. К таким философским категориям, требующим своего философского осмысления в контексте анализа сетевого общества, трансформации структуры и методов познавательной и преподавательской деятельности, относятся понятия социального пространства и времени.

Задачей данной статьи является анализ классических, неклассических и современных сетевых концепций понимания социального пространства и времени в контексте сетевого общества, осмысление их роли и значения в категориальной трансформации философских и социальных наук, в исследовании современного социального и исторического пространства и времени.

Классические концепции социального пространства и времени в истории философии и науки

Специфика социального пространства и времени как объектов исследования философии науки состоит в том, что, соотносясь с внешними физическими, геометрическими, географическими, экологическими и другими факторами, они представляют собой, прежде всего, «совокупность форм социальных связей-отношений, видов и форм деятельности, коммуникации и интеракции в социуме «здесь и сейчас» [там же, 204].

Впервые проблема анализа социального времени и пространства в истории философии и науки была поставлена в эпоху Просвещения, в контексте кардинальных социальных изменений и становления гуманитарной парадигмы, в частности в социальной эпистемологии Дж. Вико. Именно он, как это справедливо отмечает Х.Г. Тхагапсоев, впервые показывает, что механизмы детерминации социальных явлений отличаются от природных, и таким образом «выносит на арену познания и философской рефлексии проблему социального пространства-времени» [там же].

Природа вещей, с точки зрения Вико, есть «не что иное, как их возникновение в определенное время и при определенных условиях; всегда, когда последние таковы, именно таковыми, а не другим возникают вещи» [Вико, 1994, 77]. При этом свойства, неотделимые от предметов, должны быть «продуктом модификаций или условий, при которых возникли вещи; поэтому такие свойства могут нам удостоверить, что именно таковою, а не иною была природа, т. е. возникновение данных вещей» [там же]. В связи с этим в работах Вико закладывается классическая линейная концепция понимания социального пространства и времени, в которой цикличность «Вечной Идеальной Истории» оказывается не сущностью, а «формой развертывания историко-социального процесса, в то время как сущность его составляет линейная смена различных стадий Идеальной Истории» [Меликов, 2006].

В эпоху развития капитализма проблема понимания социального пространства и времени становится одной из центральных в ходе становления социологической науки в работах Г. Зиммеля, Г. Риккерта, Т. Парсонса, Ф. Броделя и др. Так, немецкий философ и социолог конца XIX – начала XX века Г. Зиммель утверждал, что историческим может считаться лишь содержание, фиксируемое во времени, но оно будет таковым лишь в том случае, если «образует вместе с другими понимаемое единство, которое, пока оно определяется исключительно вневременным содержанием, может перемещаться в любое время без помех для понимания» [Зиммель, 1996, 520]. Поэтому содержание не делается историческим из-за простого нахождения во времени, оно приобретает свою историчность только с их соединением, когда «понимание объемлет целостность содержаний, поскольку единичное действительно постижимо лишь в связи абсолютно целого» [там же]. В результате этого историческое содержание, обретая свой характер с установлением пункта во времени между прошлым и последующим, «участвует в единственной известной нам неповторимости, а именно, в тотальности мирового процесса...» [там же, 521].

Своеобразный классический подход к трактовке социального пространства и времени имел место и в философии марксизма, где в основе их понимания лежали такие понятия, как способ производства, производительные силы, производственные отношения, базис, надстройка, классовая борьба, социальная революция и др. В результате этого история рассматривалась Марксом как «последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями...» [Маркс, Энгельс, 1955, 44-45]. Выделение в

марксизме производственных отношений как главного объективного критерия в анализе динамики общественного прогресса позволяло, по утверждению В.И. Ленина, подметить повторяемость и «обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*» [Ленин, 1967, 137]. Это создавало, по его мнению, возможность «перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их...» [там же].

Таким образом, классическая теория познания внесла свой вклад в понимание социального пространства и времени и останется значительной страницей в их исследовании. Однако это был обобщенно-социологический, в некотором смысле абстрактный подход, в котором человек «представлен лишь опосредованно, в надындивидуальных образованиях..., внеположенных человеку, а значит и «кладущих пределы» его активности» [Тхагапсоев, 2015, 205]. Поэтому преодоление недостатков классических концепций понимания социального пространства и времени было осуществлено в работах представителей социально-политических и культурологических исследований XX века – А. Бергсона, П. Бурдьё, П. Штомпки, И. Валлерстайна и др.

Социальное пространство и время в контексте неклассической теории познания

Неклассический этап становления и понимания специфики социального пространства и времени был, прежде всего, связан с философией «жизненного порыва» А. Бергсона, в которой социальное пространство представляло собой не только внешнее условие, но и «функцию бытия социума и человека, а также форму его экзистенции – поле непосредственного взаимодействия и культурно-ментального обмена членов социума» [там же].

Так, в одном из основных своих произведений «Творческая эволюция» Бергсон утверждал, что четкие контуры, приписываемые нами какому-либо предмету и придающие ему индивидуальность, «очерчивают лишь известного рода *влияние*, которое мы могли бы оказать на данную точку пространства: это план наших возможных действий, отражаемый, словно в зеркале, в наших глазах, когда мы замечаем поверхности и грани вещей» [Бергсон, 2001, 48]. Но достаточно лишь убрать это действие, как «индивидуальность предмета поглотится всеобщим взаимодействием, которое и есть сама реальность» [там же].

Философское представление о времени и пространстве, в отличие от математического, по утверждению Бергсона, невозможно без понимания процесса эволюции, того, что характеризует жизнь. Поэтому познание живого существа или естественной системы «есть познание, направленное на сам интервал длительности, тогда как познание *системы искусственной*, или математической, направлено только на ее конечный момент» [там же, 57]. В основании такой непрерывной изменчивости, истинной длительности, сохранении прошлого в настоящем лежат «свойства живого существа, общие со свойствами сознания» [там же].

Такой поход к пониманию пространства и времени, длительности и эволюции отличается, с точки зрения Бергсона, от взглядов античности, в которых пространство и время имели одно и то же происхождение и ценность. Несовместим он и с воззрениями науки Нового времени, «ставящей все мгновения времени на одну ступень, не допускающей ни существенного момента, ни кульминационного пункта, ни апогея, изменчивость уже не является ущемлением сущности, а длительность – разжижением вечности» [там же, 325]. Поэтому научные концепции, пренебрегающие «истечением», могут считаться, по утверждению Бергсона, приемлемыми и не совершающими грубой ошибки лишь до тех пор, пока речь идет о неорганизованной материи, но для того чтобы объяснить подъем, эволюцию, философ должен идти дальше ученого, проникнуть в эволюционное движение, «следовать за ним до его действительных результатов вместо того, чтобы искусственно воссоздавать эти результаты из их фрагментов» [там же, 346].

Особая роль в становлении неклассического подхода к пониманию специфики социального пространства и времени принадлежит П. Бурдьё, который писал, что «социология должна действовать исходя из того, что человеческие существа являются в одно и то же время биологическими индивидами и социальными агентами, конституированными как таковые в отношении и через отношение с социальным пространством, точнее с полями» [Бурдьё, 2007, 49]. Если физическое пространство определяется внешними сторонами образующих его частей, то социальное – взаимоисключением или различием социальных позиций, которые образуют его структуру. При этом социальное пространство одновременно вписано как в объективные, так и субъективные структуры, которые «являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур» [там же, 52].

Социальное пространство, с точки зрения Бурдьё, конструируется ансамблем экономических, политических, интеллектуальных и других подпространств и полей, структура которых определяется неравномерным распределением отдельных видов капитала. Поэтому реализованное физически социальное пространство представляет собой «распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп, локализованных физически...» [там же, 54]. Такое двойное распределение в пространстве агентов как биологических индивидов и обладателей разнообразных благ определяет дифференцированную ценность различных областей реализованного социального пространства и лежит в основе борьбы за его присвоение и господство в нем, обладание различными видами капитала.

Таким образом, в исследованиях социального пространства и времени неклассической эпистемологии уже закладывались основы сетевого подхода к их пониманию в виде признания не только линейного, последовательного, вертикального пространственно-временного взаимодействия, но и горизонтального, распространяющегося в различных направлениях физических, биологических, социальных взаимосвязей и отношений. Такой топологический подход к анализу социального пространства и времени станет особенно актуальным в эпоху формирования постиндустриального информационного сетевого общества.

Сетевое социальное пространство и время

В социальной науке неклассического этапа присутствовало понятие социальной сети, не связанной с современной информационной сетевой реальностью. Социальная сеть при таком подходе противопоставлялась социальной структуре как «система неформальных человеческих связей, которая может быть как горизонтальной, так и вертикально интегрированной» [Михайлов, 2015, 93]. Однако развитие и повсеместное использование информационной технологии на этапе постиндустриального общества создали основу для ее повсеместной трансформации на всю социальную структуру, в которой главным ресурсом экономики становится производство и обработка информации.

В основе характеристики отличительных признаков сетевого общества лежит органо-проекция, аналогия, подобие, экстраполяция специфики нейронных и информационных сетевых структур на социальные. К таким общим отличительным признакам сетевых структур относятся их ризоматичность, отсутствие центра или «вершины», ограниченный набор четко определенных функциональных состояний, высокая степень приспособляемости и обучаемости «за счет способности к ситуативной перенастройке количественных параметров связей между элементами...» [там же, 92].

В новых информационных и сетевых условиях, как считает Х.Г. Тхагапсоев, «смысловое содержание и методология анализа социального пространства и времени на основе прежних структурно-онтологических категорий... вновь оказывается под вопросом» [Тхагапсоев, 2015, 205]. Начало разработки новых подходов к анализу социального пространства и времени в условиях стремительно развивающегося постиндустриального сетевого общества было положено в работах представителей постструктурализма и постмодернизма И. Кастельса, У. Бека, Р. Флориды и др.

Основные характеристики социальных систем в контексте перехода информационного общества к сетевому были даны в конце XX века И. Кастельсом, которому, как справедливо отмечает И.Ф. Михайлов, «удалось обогатить теоретическую социологию и социальную философию весьма ценными, пусть и недостаточно систематизированными, идеями» [Михайлов, 2015, 92]. По признанию Кастельса, его исследование было посвящено анализу социальных форм пространства и времени, которые «несводимы к нашим сегодняшним представлениям, основанным на социотехнических структурах, вытесняемых нынешним историческим опытом» [Кастельс, 2000, 354]. При этом в отличие от классических социальных теорий, отдающих приоритет времени над пространством, в сетевом обществе пространство организует время, трансформирует его в контексте информационно-технической парадигмы. Поэтому социальное пространство и время, с точки зрения Кастельса, не могут больше рассматриваться как внешние формы существования общества, так как теперь они «есть само общество», в котором особое место занимают социальные сети. Сегодня все общества, пронизанные малыми и крупными сетями, являются сетевыми и «все больше

структурируются вокруг биполярной оппозиции между Сетью и «Я» [там же, 27]. В таком обществе пространство утрачивает физико-геометрическое измерение, время становится абсолютной мерой пространства, а экономика, рынок, частная собственность, электронные деньги, механизмы социально-культурной коммуникации становятся «транспространственными», вездесущими.

Таким образом, заслуга Кастельса состояла в том, что он заложил начало категориальной социологической трансформации, введя в оборот такие понятия, как сетевая социология, новая модель социальности, информационный поток, сетевое пространство и время, сетевое предприятие, сетевой индивидуализм, персонализируемое сообщество, глобальная информационная экономика, основанная на производстве информации, которая способна работать как «единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты» [там же, 105].

Определенный вклад в исследование многообразия сетевых, в том числе и социальных, пространственно-временных структур внесли представители постструктурализма и постмодернизма, особенно благодаря введенному ими понятию ризомы, которое «активно используется в контексте анализа сетевого подхода, сетевого общества, сетевых технологий...» [Оботурова, 2015, 103].

Так, Ж. Делёз и Ф. Гваттари выделили такие основные принципы горизонтального, «травовидного», «дёрнообразного» характера взаимосвязи структурных элементов любых форм сетевых систем, как сцепление и гетерогенность, множественность, незначающий разрыв, картография и декалькомания. Применительно к анализу социального пространства и времени это означает, что «ризома непрерывно соединяет семиотические звенья организации власти, обстоятельства, отсылающие к искусству, наукам или классовой борьбе» [Делёз, Гваттари, www]. Поэтому классическим, централизованным, «древовидным», иерархическим системам, в которых индивид допускает только одного активного соседа, его иерархически превосходящего, противопоставляются сетевые, нецентрализованные структуры.

В сетевой ризоматичной организации все активно действующие индивиды взаимозаменяемы и «определяются только по *состоянию* на определенный момент, таким образом, что локальные операции координируются и что глобальный конечный результат синхронизируется независимо от центральной инстанции» [там же, 8]. Основанием специфики такого нецентрализованного социального пространства и времени является особенность современных информационных сетей, которые «способны разворачиваться и сжиматься, открываться и закрываться, образовывать самую причудливую геометрию охвата, оперативно включать новых участников и освобождаться от них» [Назарчук, 2008, 63]. Подобный подход к анализу социального пространства и времени закладывает основы новой сетевой социологии, которой «необходимо овладеть социальному исследователю, если он желает постичь сложность общества XXI в.» и которая «побуждает пересмотреть понятия и подходы классической социальной теории» [там же, 75].

Заключение

Таким образом, сетевой подход к пониманию специфики социального пространства и времени постиндустриального сетевого общества не опровергает их классической и неклассической трактовки, а дополняет линейные и топологические взаимосвязи ризоматичностью отношений, множественностью сцеплений, незначающих разрывов, «вневременностью» событий. Такая сетевая трактовка пространственно-временного континуума является источником формирования сетевого мышления, сетевой междисциплинарной методологии, так как «социальное пространство становится открытым для различных концептуализаций, для открытия и исследования «множества пространств»» [Назарчук, 2012, 59].

Актуальным и перспективным представляется методологическое применение сетевой пространственно-временной методологии к исследованию специфики исторического пространства и времени в контексте соотношения современных процессов глобализации и регионального, национального, государственно-цивилизационного самоопределения. В современном сетевом пространственно-временном историческом социуме, с одной стороны, имеет место его разорванность, утрата целостности, с другой стороны, способность к воссоединению становится ключевой для образования социальных сетей, которые в каком-то смысле «являются автономными социальными мирами, требующими собственных пространств, в то же время стремящимися не утрачивать связь с «общим» пространством» [там же, 59]. Такой сетевой подход позволяет выявить сложный механизм развертывания логики истории, когда «многолинейность складывается в главном из линий, путей развития вполне сложившихся государств-цивилизаций...» [Шевченко, 2016, 43]. В результате этого сетевая методология позволяет совместить формационную, цивилизационную и мир-системную концепции в понимании специфики социального и исторического пространства-времени современного сложного глобального и локального мирового развития.

Особенно значимой в условиях возникновения сетевого информационного и социального пространства становится необходимость анализа тенденций, связанных с понятиями глобализации образования, формирующегося конкурирующего международного рынка образовательных услуг. Этим обусловлена потребность разработки концепции отечественной системы образования в условиях сетевого общества, учитывающей реалии развития современного глобализирующегося мира и особенности национальной идентичности.

Библиография

1. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН пресс-Ц, 2001. 384 с.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

3. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М. – Киев: REFL-book – ИСА, 1994. 656 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома // Капитализм и шизофрения. URL: <http://tfr1.narod.ru/rizoma.htm>
5. Зиммель Г. Избранное. Том первый. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. 671 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
7. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 125-346.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Собрание сочинений. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. 689 с.
9. Меликов Е.А. Вико Дж. // Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура: Хрестоматия. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. С. 140.
10. Михайлов И.Ф. К гиперсетевой теории сознания // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 87-98.
11. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61-75.
12. Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 56-66.
13. Оботурова Г.Н. Вклад постмодернизма в выявление ризоматичности сетевых систем // Человек в технической среде: сборник научных статей. Выпуск 2. Вологда: ВоГУ, 2015. С. 102-106.
14. Тхагапсоев Х.Г. Социальное пространство-время: проблема трансформации // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 202-211.
15. Шевченко В.Н. Цивилизационный подход под огнем критики // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 33-44.
16. Шенцева Е.А. Ризома vs сеть // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 202-210.

Social space and time in the context of the network society

Evgenii A. Agafonov

PhD in Philosophy,

Associate Professor at the Department of Philosophy and History,

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia,

160002, 2a Shchetinina str., Vologda, Russian Federation;

e-mail: evgenagafonov@inbox.ru

Abstract

The article substantiates the topicality of understanding the social space and time in the context of network society and network methodology. Based on the analysis of the works by G. Vico, G. Simmel, the philosophy of Marxism, the author gives the characteristic of the classical linear and non-classical topological theories of social space and time by H. Bergson, P. Bourdieu. The specifics of the network approach and the role of M. Castells, who laid the beginning of categorical transformation of the social sciences, are demonstrated. The basic ideas and concepts of the rhizomatic conception of G. Deleuze and F. Guattari, their role and importance in the study of the social and historical space and time, are described. A network approach to understanding the specificity of social space and time of the post-industrial network society doesn't deny their classical and non-classical interpretation, but complements linear and topological relationships with rhizomatic nature of relations, a plurality of clutches, "the timelessness" of events.

For citation

Agafonov E.A. (2017) Sotsial'noe prostranstvo i vremya v kontekste setevogo obshchestva [Social space and time in the context of the network society]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (1A), pp. 104-114.

Keywords

Social space and time, the classical theory of knowledge, linearity, non-classical epistemology, topological nature, network society, network approach, social networks, rhizome, network sociology.

References

1. Bergson H. (1911) *Creative evolution*. Henry Holt and Company. (Russ. ed.: Bergson A. (2001) *Tvorcheskaya evolyutsiya*. Moscow: TERRA-Knizhnyi klub; KANON press-Ts Publ.).
2. Bourdieu P. (1989) *Sociology of social space*. (Russ. ed.: Burd'e P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteiya Publ.).
3. Castells M. (1997) *The information age: economy, society and culture*. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell. (Russ. ed.: Kastel's M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Moscow: Higher School of Economics).
4. Deleuze G., Guattari F. (1977) Rhizome. In: *Capitalism and schizophrenia*. (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. Rizoma. In: *Kapitalizm i shizofreniya*. Available at: <http://tfr1.narod.ru/rizoma.htm> [Accessed 14/12/16]).

5. Lenin V.I. (1967) Chto takoe "druz'ya naroda" i kak oni voyuyut protiv sotsial-demokratov? [Who are "friends of the people" and how they fight the Social-Democrats?]. In: *Polnoe sobranie sochinenii. T. 1* [Complete works. Vol.1]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., pp. 125-346.
6. Marx K., Engels F. (1845) *The German ideology*. (Russ. ed.: Marks K., Engel's F. (1955) *Nemetskaya ideologiya. Sobranie sochinenii. T. 3*. Moscow: Politizdat Publ.).
7. Melikov E.A. (2006) Viko Dzh. [Vico G.]. In: *Filosofiya nauki: Epistemologiya. Metodologiya. Kul'tura: Khrestomatiya* [Philosophy of science: Epistemology. Methodology. Culture: Reader]. Moscow: International University in Moscow, p. 140.
8. Mikhailov I.F. (2015) K gipersetevoi teorii soznaniya [Towards the hypernet theory of mind]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 11, pp. 87-98.
9. Nazarchuk A.V. (2008) Setevoe obshchestvo i ego filosofskoe osmyslenie [Network society and its philosophical comprehension]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 7, pp. 61-75.
10. Nazarchuk A.V. (2012) Sotsial'noe vremya i sotsial'noe prostranstvo v kontseptsii setevogo obshchestva [Social time and social space in the concept of the network society]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 9, pp. 56-66.
11. Oboturova G.N. (2015) Vklad postmodernizma v vyyavlenie rizomatichnosti setevykh sistem [The contribution of postmodernism to the identification of rhizomatic nature of network systems]. In: *Chelovek v tekhnicheskoi srede: sbornik nauchnykh statei. Vypusk 2* [Proc. "Human being in a technical environment". Vol. 2]. Vologda: Vologda State University, pp. 102-106.
12. Shentseva E.A. (2015) Rizoma vs set' [Rhizome vs network]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 5, pp. 202-210.
13. Shevchenko V.N. (2016) Tsvivilizatsionnyi podkhod pod ognem kritiki [Civilization approach under the fire of criticism]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2, pp. 33-44.
14. Simmel G. (1911) *Philosophische Kultur*. Leipzig: Kröner. (Russ. ed.: Zimmel' G. (1996) *Izbrannoe. Tom pervyi. Filosofiya kul'tury*. Moscow: Yurist Publ.).
15. Tkhagapsoev Kh.G. (2015) Sotsial'noe prostranstvo-vremya: problema transformatsii [Social space-time: the transformation problem]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 10, pp. 202-211.
16. Vico G. (1725) *The new science*. (Russ. ed.: Viko Dzh. (1994) *Osnovaniya novoi nauki ob obshchei prirode natsii*. Moscow – Kiev: REFL-book – ISA Publ.).